

БРИТАНСКИЙ МУЗЕЙ

(Элгиновские мраморы)

В холодном зале Музея
смотрю на красавицу Кариатиду...
Одну её только украли...
Взгляд сумрачно нежный
упорно она устремляет
на тело порывистое Диониса
(оно в сладострастной изваяно позе):
всего лишь два шага — меж них расстоянье.
А он своим взором прильнул неотрывно
к девичьему силой налитому стану.
Идиллия множества лет (таково у меня подозренье)
два тела свела воедино.
Но вечером, только лишь зал опустеет
от множества зрителей, шумно снующих,
(так кажется мне) Дионис устремится,
покинет он свой постамент осторожно,
ни статуи ближние чтоб, ни рельефы
того не могли заподозрить.
Исполненный трепета, он порывается
застенчивость Кариатиды застывшую
вином ниспровергнуть и страстными ласками...
А, впрочем, всё это быть может ошибкою,

и связью иной они накрепко связаны.
Сильнее та связь и в ней больше страдания:
они вечерами холодными зимними,
ночами чудесными месяца августа
— да, вижу я! —
с высотных своих постаментов спускаются,
от вида, что днём напоказ принимают для зрителей,
отрекшись, о прошлом скорбя со слезами горячими,
свои Парфеноны, которых лишились, и храмы свои Эрехтеевы
опять воскрешают страдальчески в памяти.

ДЕЛЬФЫ

Соответствующая территория

Я пришла сюда получить образование у развалин.
Однако проливной дождь
удержал меня взаперти недоучкой.
Хотелось снова увидеть, как прекрасный погонщик
сбивчивости дорожной
подбросит меня на минутку до саркофага,
для которого у меня были новости.
О, если б внимательней был сей Возничий!
Он мог бы стать
Извозчиком какой-нибудь другой, более послушной
нашей потребности в солнце, которая предалась
напряжённости менее амбивалентной,
чем сияние и теплота.
Свет не ведут: он сам ведёт.

Развалин разрушенье

*И всё ещё боюсь я рук моих
прикосновенья к сим камням,
дабы не вызвало разрухи их, не убыстрило
развалин разрушенья.*

Афос Димулас

Когда меня сюда привёл ты,
чтоб провести по прорицаньям?
Спрошу о том вещунью Память.
У жрицы ведь другой, её соседки Леты,
народу слишком много здесь, она не поспевает:
не прожевав, глотает дым рождающие листья
того, что предназначено забвенью.
Дождь с вчера.
Всё, что в окне я вижу, сидя в ресторане,
исчезнуть хочет. Я ж насильно удержать пытаюсь
колонны, что остались от Проваία — святилища
Предхрамовой Афины.
(Внимание! При переписке начисто пейзажа
не поддаваться демону созвучий —
не написать Прове́а: скажут, будто я зеркально
показываю то, что средь развалин).
Дождит. Спешат укрыться в ресторане
компании большие шумных звуков.
Здесь земляки, любители истории и пары
влюблённые. Исследуют, что во грядущем
ещё случится экскурсанты здесь пенсионеры.
Здесь также скуку реставрируют семейства,
ассоциации и главы их, докладчицы, букеты.
Речь иностранная стекает в рюмки нашей речи,

фехтует дождь приборами ножей и вилок,
заглатывая порции бесед, бутылки вина
надсаживают горлышки, вещая
забавный анекдот, смеются, шутят.
Официанты-впечатленья прыгают в экстазе
от одного стола к другому,
компания вопит, веля подать десерты.
А я почтительно и с робостью вкушаю
лишь то, что подано на стол от Аполлона.

Пун Земли

Реконструируется Дельфийский ноябрь.
Влага после дождя на метопах его поглощенья.
Облака, которые не уйдут, делят между собой престолы.
Фризы жёлтых листьев украшают
антисейсмические дворцы дуновений.
Процессия ступеней.
Впереди саркофаги шествуют — местные власти.
Следом идут цари, молящие о прорицанье,
предводители в войнах с дарами, которые шлёт честолюбье
своим прорицателям, века толстобрюхие в движенье вялом
с повторами — наложницами своими.
Стража потока — телохранители справа и слева.
Опять саркофаги в поножах — крапиве и высохших травах.
По дороге венец раздумья,
который я для тебя сотворила за подвиг:
в своём отсутствии ты вырос,
распростёр неприметного владенья.
Камни, ведущие к месту в театре.
На почётных местах восседают ростки тимьяна.
Вокруг безбилетные театралы-скалы
нависают, вскарабкавшись на отзвук.

В своей главной роли — занавес трагедийный.
Аплодисменты восторженного упадка,
вызывают на бис пчёлы и звенящие все другие
медоточивые жала, сосуды качанья
с бабочками, нарезанными свежо,
орошают наше толкование героини главной.
Вверху над стадионом взмывают возгласы,
круги-бегунов приветствуют:
провозглашают победителем одного за другим в завершении.
Продолжаю. Водоёмы, алтари, жертвоприношений святилища,
акведуки стимулов, древнейшая пифия:
опять саркофаг. Жизнь, однако,
избегает его прорицания.
Остановка мысли, которую думаю
о всех совершенствах разбитых: «в нижней части
бегущей мраморной женщины»,
беспомощный шаг к телу утраченному,
только движение закруглённое
безмянного мёртвого воина
рядом со щитом отвоевавшимся
и «юной рабыни разбитое зеркало»
(как теперь будет принаряжаться порабощение?).
Отображает Сфинкс безответное.
Буфеты. Что-то в дорогу. Сэндвичи,
прохладительные напитки, в бутылках *вода говорливая*.
Снова мраморы, на камнях посвящения
высечены: я их с трудом читаю.
Узнала я, что твердое высекает,
но само оно не высекается.
Медленно, по слогам восстанавливаю
только слово сделано. И только? Нет, не только.
Известное в мире «сделано».
Оракул. Пуп Земли.

ОЛИМПИА

Низший класс

Соловьи проводят экскурсию слуху
по цветам полевым — майским мозаикам.
Храм Геры, Нимфей Герода, Пританей. Так на миг повергла
настоящее предыстория.

Культуры, курганы несоразмерности в мыслях моих перемешаны.
Забываю, в каком поражении стали станом столько славных дат,
когда провозгласили высшею целью власть,
путаю всё, что было до бытия моего, с тем, чего якобы не было.

После нашего бытия —
вот увидишь! —
пророком окажется эта путаница.

Постигаю легче
разбросанные вокруг камни,
которые раскопки на свет извлекли безымянными —
фрагменты некоей завершённости,
неизвестно во что впавшей
под слоями земли нижними.

Мне же свойствен их смысл утраченный.

Утешаю я камни надписями,
как надписывают ветвей движения тусклые
воздух весенний рассеянный:

фрагмент могилы раба беглого,
надгробье незавершённое триумфа безусого,
ступенька одноэтажного дома гетеры,
подоконник окна, где ставила она на солнце горшок цветочный,
целомудренный очаг широкостворный,
а здесь вот, где я пребываю,
тротуар насекомых и тёмных догадок.

И, правда, где разбросаны без надписей мои поражения?
Сражаясь или же попросту проходя, была я разбита?

Современная трагедия в смерти античной.

Соперница моя — твоё отсутствие,
но — видишь ли —
вовсе не я
ему, а оно мне готовит мщение.

Ряды театра заполнены,
народа множество, но опоздавшие
поодиночке приходят, в моей возникая памяти:

сколько лет назад, сколько цикад назад
водили
здесь хореографии летней танец.
Я право моё считала естественным,
неотъемлемым на то,
что держалось за руку твою
моё дыханье и с лёгкостью,
словно воздух, взбиралось,
пред каким восхождением.

Как давно привёл ты меня сюда —
к нашего рода бессмертию?
Как давно осязаемо
тогдашней длани твоей бессмертие
смертное ныне?
Как давно и сегодня как,
увлёкшись цикад журчанием
неумолчным,

презрела я то, что молчит, и как, беспомощной будучи,
дерзнула взобратъся к непреходящему,
тяжко дыша,
словно скала, гружѣнная
тяжестью неподѣемого времени?

А теперь что с тобой?
Ты просто на сцене играешь
или же я оказалась правдою?

Античный театр (Эги-Эгира)

Много лет назад
как-то летним вечером,
по склону холма гуляя,
на подъёме приветливом
я впервые его увидела.
Появился он
среди скал, сосен, овчарен.
Воздух доил нелюдимые
шёпоты.

Окружённый
остатками сооружений
полуразрушенных.
Теперь пауки их чинили,
акриды и ящерицы.

Бормотали, словно духи древние,
развалины круглые
театральной сцены.

Развалины.
И всё же нетронута
высокая там атмосфера,
пусть даже осело на ней
время тяжёлое,
тогда как танец,
благодаря совершенной акустике — представь себе! —

в третьем веке до нашей эры начавшись,
она до сих пор доносит
отчётливо трагедийность
многострадального.

Ощущение это стало духом и очень часто
играть во мне продолжает.

В этом году захотелось
снова увидеть её на сцене.

И вот указатели, стрелки
меня привели по дороге
к священному месту.

Нет, вовсе не это
я видела:
тогда отовсюду стояло свободно
спокойствие
недвижности глубочайшей,
дополненной эстетически
домами в руинах, и только совсем одряхлевшее
время в них жило в одиночестве полном.

Виллы, веранды, бассейны
теперь доминируют,
сторожка с колючею проволокой,
театр вокруг окружающей.
Там же навесы, раскопы прямоугольные
с водой застоявшейся глинистой
в водостока искрошенной форме.
Театра ряды вереницами,
лежит инструмент для раскопок — могильного извлечения.

Иного рода молчание,
как будто свидетельство гневное,
возможно, для подавления
старинности
нынешним временем.

Не к месту вмешался день нынешний.

Прошлое
себя признает лишь в развалинах.
Оставь же его таким,
каким сохранил его в собственных недрах
наследник-разруха.
Тебе ведь известно:
латаний
бессмертие не приемлет.